

Наверное, Дед Мороз хохотал своим раскатистым «хо-хо-хо», когда читал то рисуночное письмо. Цивилизация с фиксированной вербальностью еще не наступила в моей отдельно взятой голове, но я не растерялась и нашла альтернативу. Вряд ли можно было чем-то удивить старика, но среди других детских выклянчиваний: Барби всех сортов, Sony PlayStation и даже просьб вылечить папу от алкоголизма — моя заявка на трусы с ежевикой и впрямь казалась оригинальной.

Возможно, я предчувствовала, что слова имеют не то что двойное — десятерное дно. А если ты только-только овладеваешь грамотой, то это тем более рискованно — писать письмо незрелыми буквами. Попросишь одно, а тебе, как с AliExpress, по ошибке придет какой-нибудь выкидыш, который даже на отдаривание коллегам во время акции «Тайный Санта» не подойдет. Рисую я, прямо скажем, ужасно: без таланта и, самое главное, без любви. ...дцать лет назад дело было не лучше, но ради трусов с ежевикой я была готова на все. Общая концепция считывалась, хотя это

было жалкое зрелище: длинная непомерная ластовица (вот уж где разгуляться фрейдистам) и фиолетовая, точно распыленная сыпь (отвечала за ежевику).

Психологи эзотерического толка сейчас бы сказали, что я все сделала как надо: четко сформулировала запрос во вселенную с визуализацией без частицы «не», но на самом деле я просто хотела упростить маме задачу по придумыванию новогоднего подарка.

Первые ростки скептицизма посадила во мне, сама того не желая, бабушка. Моя бабушка работала Дедом Морозом. Не знаю, как вышло, что именно она — узкоплечая, звонкоголосая — в этом вечном педагогическом бабьем царстве каждый утренник надевала потогонный костюм, прятала волосы, *«ну язви их, все равно прядка вылезла»*, под шапочку. Чудо перевоплощения случалось для всех — кроме меня.

Ба было всегда не больше тринадцати. Она не воспитывала: она просто играла и в какой-то момент забывала об этом — тогда игра засчитывалась за жизнь. Пространство игры расплзлось, как бензиновое пятно, и подтапливало нашу квартиру.

На улице сказка была дикой, неадаптированной: лед как единственно возможная форма существования жидкой субстанции, включая человека, окаменевшие уличные продавщицы в черных квадратах цигейковых шуб, разделанные кошачьи тушки на импровизированном базарчике около университетского общежития (на самом деле это были курицы, мама пошутила, когда мы спешили, я дергала ее за рукав и спрашивала: а это что такое? а это? В итоге несколько лет я считала, что студенты из-за бедности едят кошек). В квартире магия одомашнивалась, поджимала хвост. Все демоны, включая бродящих по подъездам свидетелей Иеговы и распространителей чудо-пылесосов, оставались там, в чистилище, и вряд ли бы это им помогло, а ты стоял внутри, прислонившись к двери затылком, и сердце сквозь спину ударялось и отскакивало от стеганой, покрытой бордовыми волдырями дверной обивки — ударялось и отскакивало.

Из детского сада, где работала ба, нечего было принести (ох уж эти эвфемизмы), кроме материалов для творчества

и нескольких идей для декора квартиры. Зеркала затягивались гуашевыми разводами морозных узоров. С пенопластовых потолочных панелей рос вниз головой заиндевевший лес. Инструкция для «Лайфхакера»¹ (зачеркнуто): берем кусочек ваты, мажем клеем со всех сторон, приклеиваем к потолку, к вате прикрепляем длинную сопельку блестящего дождика, видим, что это хорошо, радуемся чуть-чуть, морально готовимся к тому, что, когда начнется демонтаж волшебного леса, остальные домашние будут ругаться матом, увидев изъеденный оспинами пенопласт. По уровню стресса хуже демонтажа волшебного леса — только торжественный вынос елки на помойку. Вынос елки — это как ежегодная репетиция продажи пианино, на котором уже не играешь, но все-таки член семьи.

Этот год, 2022 от Рождества Христова, неизвестно какой от Большого взрыва, — второй год без ба. Первый год, когда я поняла, что теперь всё без ба. Первый год, когда я поняла, что у меня нет оснований сомневаться в том, что человек смертен. Может быть, смертен и не до полного затирания следа, но все же этот пар, этот выдох на морозе на сдачу — чертовски несправедливо, дали подарок и выдернули из рук — вечная Каштанка с кусочком мяса в желудке на веревочке.

В войнах подсчитывающих итоги до завалившихся в подкладке пальто копеек и тех, кто смотрит на них, как Диккенс на старика Скруджа, я не знаю, к кому прислониться. С одними постою — хорошо, с другими — тоже интересно, но все же. В прошлом году я много работала, мало училась, многих учила, иногда любила, хотела бы верить. Нет, это опять не просветление, но слово года для меня — принятие: не отшатываться от собственного отражения в зеркале, не жмуриться от количества редакторской красноты в своем тексте, не пытаться пробить там, где все заморожено, без шансов, как терминальная стадия.

¹ «Лайфхакер» — современный русскоязычный сайт с инструкциями и советами.

В этот раз я не писала Деду Морозу или, как говорят некоторые внушаемые люди, дорогому мирозданию — нормальная атараксия почти здорового человека. Я не помню, откуда тогда возникла идея с трусами. Если бы и впрямь ходила в позорных прабабкиных панталонах — так нет же, трусы были, но видимо, хотелось странного, чудесного, как ежевика, там, где все или скучно, или стыдно. Дед Мороз мне их, кстати, так и не принес. Наверное, квадратные продавщицы хихикали, перемигивались и предлагали паттерны других ягод.

²Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность, по мнению некоторых древнегреческих философов, достигаемая мудрецом.